

A. A. Angelopoulos. Νικόλαος Καβάσιλας Χαμαετός. Ἡ ζωὴ καὶ τὸ ἔργον αὐτοῦ. Συμβολὴ εἰς τὴν Μακεδονικὴν Βυζαντινὴν Προσωπογραφίαν. Θεσσαλονίκη, 1970, p. 177 + tab. 13.

Предметом современных просопографических исследований, наряду с изучением истории отдельных фамилий (что сближает просопографию с генеалогией) и составлением фамильных и должностных списков, является восстановление индивидуальной биографии, поскольку совокупность отдельных жизнеописаний способствует более четкому и живому представлению об эпохе.

Монография греческого ученого Аф. Ангелопулоса «Николай Кавасила Хамает. Жизнь и труды», изданная салоницким Патриаршим институтом по изучению патристики в серии «Ἀνάλεκτα Βλατάδων», посвящена, по определению автора, «проблеме личности» (стр. 7). Исследователь объясняет свое обращение к биографии Николая Кавасилы необходимостью изучения духовной и политической жизни Фессалоники. Рецензируемая книга продолжает начатые этим автором ранее работы по изучению деятельности Николая Кавасилы¹.

Сочинение Ангелопулоса четко делится на две главы: «Жизнь» (стр. 18—74) и «Труды» (стр. 75—95). Внимание автора в соответствии с подзаголовком книги — «К вопросу о македонской византийской просопографии» — обращено преимущественно на исследование основных жизненных вех его героя. Первая глава разделена на шесть разделов, из которых два посвящены происхождению и обучению Николая Кавасилы, а остальные — фессалоницким (1342—1347 гг.; 1363—1364 гг.) и константинопольским (1347—1362 гг.; с 1364 г. до смерти) периодам его деятельности. В хронологию жизни Николая Кавасилы Ангелопулос не вводит чего-то нового: он суммирует в этом отношении все, что сделано С. Салавилем, И. Шевченко, Р. Лэнертцем.

Особое внимание уделяет Ангелопулос последнему, самому неясному периоду биографии Николая Кавасилы. Он пытается решить вопрос, кем же был известный мистик и теолог в конце своей жизни? Как известно, сначала его считали епископом Фессалоники (Фабрициус, Крумбахер); постепенно пришли к выводу, что он никогда не был клириком (Салавиле), а сейчас склоняются к признанию его монахом (Шевченко). Ангелопулос в связи с этим подробно исследует вопрос о надписи на фреске из часовни Предтечи в храме Протата на Афоне, прочитанной некогда Г. Милле как «Николай Кавасила». Ангелопулос, недавно исследовавший фреску, доказывает, что в верхней левой части фрески написано не «Николай Кавасила», а «святой Кавасила»; в верхней же правой части, которая не привлекла внимания Милле, после проведенной очистки известки была обнаружена надпись «Константин» (стр. 68, рис. 3, 4). Кроме того, сравнение этой фрески с более старой — в храме Перивлещты в Охриде (рис. 5, 6) доказывает, что на них изображено одно и то же лицо — архиепископ Охрида Константин Кавасила. Таким образом, Ангелопулос еще раз опровергает старую версию о епископстве Николая².

Основным аргументом исследователя в пользу того, что Николай Кавасила в конце жизни — в соответствии с византийскими обычаями — принял монашество, являются слова Иоанна Кантакузина о нем, «бывшем еще частным лицом» в 1353 г., когда его кандидатура была предложена для избрания на патриарший престол. Ангелопулос считает ἐτι во фразе Иоанна Кантакузина, писавшего мемуары во время патриаршества Филофея Коккина, доказывающим, что Николай должен был стать монахом до 1370 г., в противном случае наречие лишено логического смысла (стр. 71). В целом приводимая Ангелопулосом система доказательств представляется убедительной, однако местами эмоциональный момент превалирует над логическим, особенно там, где он апеллирует к ощущению, что «Жизнь во Христе» и «Истолкование св. литургии» писались священником (стр. 72).

Поскольку основной канвой для изучения жизненного пути Кавасилы послужил эпистолярный материал, Ангелопулос представляет читателю биографию своего героя не изолированно, а в его отношениях с современниками: Иоанном Кантакузином, Димитрием Кидонисом, Дорофеем Влатом, Исидором, Дукопулом Маникайтесом, Синадином, Пасидони, Досифеем Карадином, Тарханиотом, Иосифом Врпением, Мануилом Палеологом и др. Нити интеллектуального общения, соединяясь, создают картину духовной жизни империи нескольких десятилетий XIV в.

Книга Ангелопулоса содержит значительный исторический материал — зачехленную он нужен автору не только для того, чтобы создать фон общественной жизни империи, но и для заполнения «пустот» в восстанавливаемой им биографии (к примеру, подробно излагаемая на стр. 63—66 жизненная судьба Мануила Палеолога мало что добавляет к изучению жизни Николая). Автор подробно характеризует суть споров

¹ A. A. Angelopoulos. Ἡ περὶ τῆς θείας εὐχαριστίας ὡς θυσίας καὶ ἀγασμοῦ διδασκαλία τοῦ Νικολάου Καβάσιλα. — «Ὀρθόδοξος Ἐπιστολαία», 123—125, 1965; *idem*. Ἡ ἐν Χριστῷ ζωὴ κατὰ τὸν Νικόλαον Καβάσιλαν. — *Ibid.*, 14—150, 1967.

² Эту устаревшую точку зрения продолжает разделять «Журнал Московской патриархии». См.: «Изъяснение божественной литургии архиепископа Фессалоникийского Николая Кавасилы». — ЖМП, 1971, № 1, 3, 5, а также редакционные замечания: № 5, стр. 75.

паламитов и варламитов, гражданской войны на различных ее этапах, детализирует ситуацию в Фессалонике в период зилотского движения. Определяя состав партий Иоанна Кантакузина и Апокавка в период зилотского восстания (стр. 35—36), Ангелопулос полагается на сообщении Иоанна Кантакузина³: сторонниками последнего он объявляет аристократов, а приверженцами Апокавка — людей низкого происхождения, а также монахов. Однако, как известно, Апокавк в борьбе против Иоанна Кантакузина тоже опирался на поддержку династов наряду с торгово-ростовщическими слоями городского населения. Причисляя к сторонникам Апокавка монахов, Ангелопулос не делает оговорок, что разные группы византийского монашества в ходе гражданской войн занимали часто диаметрально противоположные политические позиции.

Вторая глава книги состоит из четырех разделов, характеризующих отдельные виды сочинений Николая Кавасилы, а также небольшого введения, предпосланного им. Предваряя анализ трудов Кавасилы, Ангелопулос называет Николая историком и ритором, язык сочинений которого «прост по форме и интимен по содержанию» (стр. 75). Разумеется, признать Кавасилу историком, да еще наделенным таким качеством, как «беспристрастная убежденность», очень трудно: он остается во всех своих «светских» сочинениях прежде всего ритором, не «опускавшим» до жанра летописания. Нельзя согласиться с Ангелопулосом, что сочинения Кавасилы дают ясную характеристику духовных, религиозных и политических течений столетия (стр. 17): его сочинениям присущ экзотеризм, спрятанный в одежды парадной риторики. Прочтение отдельных фрагментов его сочинений требует тщательной дешифровки.

Ангелопулос делит сочинения Николая Кавасилы на теологические (раздел 1), так называемые «социологические» (раздел 2), сочинения о латинянах (раздел 3), а также толковательные, литургические, похвальные, стихи и письма (раздел 4). Исследование сочинений сводится к указанию рукописей, переводов и изложению краткого содержания трудов. В характеристике сочинений изучаемого автора Ангелопулос не выходит за пределы известной литературы.

В кратком анализе тех сочинений, которые были порождены «духовными тревогами и надеждами эпохи» (стр. 85), Ангелопулос подчеркивает влияние на Николая Кавасилу теологического наследия, в том числе христоцентризма апостола Павла и трудов Иоанна Златоуста. Вызывает возражение причисление памфлета «Против нелепостей Григория» к духовным сочинениям, поскольку он, как известно, не содержит обсуждения теологических проблем, а скорее выражает личное отношение его автора к Никифору Григору как представителю противоположной политической и идейной группировки.

Ангелопулос считает, что главное в «социологических» сочинениях Николая Кавасилы — обращение к теме «экономического и социального ничтожества бедного народа» (стр. 85). Думается, что интерпретация произведений Кавасилы, направленных против ростовщичества, не может быть столь определенной, поскольку он нигде не говорит о социальной принадлежности «бедных», — возможно, что в его понимании это были всего-навсего разорившиеся динаты либо интеллигенция «средней руки»⁴. Несомненно, Ангелопулос преувеличивает радикальность социальных воззрений Николая Кавасилы, когда пишет, что «откровенность, с которой он развивает аргументы в условиях деспотического режима, является героической деятельностью одного человека, защитника и соратника тех, кто в этой земной жизни испытал угнетения всех видов динатов и страдал от несправедливости законодательства» (стр. 87). Нельзя согласиться с тем, что Николай Кавасила сознавал необходимость «социального восстания для ниспровержения правящих классов». Аргументация Кавасилы обычно очень традиционна и не выходит за пределы известных юридических норм, много раз повторяемых богословами разных времен, начиная с Иоанна Златоуста, основных догматов священного писания.

Наряду с работами о ростовщичестве и «Словом об алтаре» к «социологическим» сочинениям в книге Ангелопулоса отнесено и «Слово об архонтах, беззаконно дерзающих в отношении святых», хронология которого вызывает оживленные дискуссии со времени опубликования полного его текста и по сей день⁵. Ангелопулос в решении этого вопроса стоит ближе всего, пожалуй, к первой из трех предложенных И. Шевченко датировок: он относит работу приблизительно к 1347 г., когда Кавасила возвращается из Фессалоники в Константинополь (стр. 90). Ангелопулос считает невозможным датировать это сочинение более ранним временем, поскольку Николай был тогда слишком молод и недостаточно авторитетен в делах двора (стр. 90—91). Вместе с тем он не допускает возможности написания трактата Кавасилой в последние годы его

³ *Cant.*, III, p. 219, 279.

⁴ *I. Ševčenko. Society and Intellectual Life in the XIVth Century.* — «XIVe Congrès International des Etudes byzantines». Rapports, I. Bucarest, 1971, p. 9; *C. P. Kyrris. Eléments traditionnels et éléments révolutionnaires dans l'idéologie d'Alexios Makrembolitès et d'autres intellectuels byzantins du XIVe siècle.* — *Ibid.*, Résumés-Communications, p. 35—37.

⁵ Из последних замечаний о времени написания этого Слова см.: *P. Charanis. Observations on the «Anti-Zealot» Discourse of Cabasilas.* — *RESEE*, IX, 1971, p. 369—376.

жизни, поскольку тот к этому времени уходит из общественной жизни, отдавшись геолого-мистическим темам. Аргументируя свою датировку трактата, Ангелопулос апеллирует главным образом к особой политической активности Николая Кавасилы в 1347—1363 гг. Кроме того, он усматривает не только тематическую, но также филологическую и языковую близость четырех названных работ, являющихся, по Ангелопулосу, плодом одного периода: между 1347 и 1354 гг. (стр. 92). Однако все эти аргументы, будучи достаточно интересными, остаются гипотетичными, поскольку лишены веских доказательств.

Анализируя сочинения, объединенные в разделе «О латинянах», Ангелопулос проводит мысль о том, что Николай Кавасила был сторонником тех, кто защищал ортодоксию от римского влияния.

В разделе «Другие сочинения» Ангелопулос объединил очень несходные по жанру и тематике работы Николая Кавасилы. Это и толкования на речи пророка Иезекииля, и литургические описания, и стихотворные надписи в честь св. Димитрия, св. Феодора, св. Евдокима и других святых (всего 13) и письма.

Приложение («Неизданные сочинения Николая Кавасилы») содержит два небольших отрывка из Парижской рукописи 1213 и один из кодекса 372 библиотеки Ивирского монастыря. Последний был опубликован ранее Минем⁶.

Монография Ангелопулоса впервые представила читателю ранее лишь фрагментарно исследованное жизнеописание одного из видных мыслителей XIV в. Она подвела итог отдельным изысканиям в области биографии Кавасилы (но не его трудов!) и выявила те неизбежные лакуны, которые оставляют место для будущих исследований.

М. Поляковская

К.-Р. Matschke. Fortschritt und Reaktion in Byzanz in 14. Jahrhundert.

Konstantinopel in der Bürgerkriegsperiode von 1341 bis 1354.

— «Berliner byzantinische Arbeiten», Bd. 42. Akademie-Verlag.

Berlin, 1971, S. 264

В то время как восстанию зилотов в Солуни многие исследователи уделяли специальное внимание, политическая борьба, развернувшаяся в те же самые годы в Константинополе, затрагивалась, как правило, лишь бегло. Конечно, это объяснимо: солунские события носят и более красочный, и более радикальный характер. Однако то, что происходило в середине XIV в. в византийской столице, может быть еще более существенно для понимания социальной структуры и социальных противоречий в Византии, нежели зилотская «революция».

Книга лейпцигского византиниста К.-П. Мачке, ученика Э. Вернера, восполняет эту лакуну, рассматривая место Константинополя в так называемой гражданской войне 1341—1354 гг. — от смерти Андроника III до отречения Иоанна VI Кантакузина. Значение и назначение книги — не в расширении фактологической базы; автор сам отмечает, что ему не удалось привлечь неизданные источники (стр. 29); описание событий зиждется прежде всего на давно известных сочинениях Григория и Кантакузина с привлечением некоторых иных (тоже уже ранее введенных в оборот) памятников, как, например, анонимный хронограф, впервые изданный Б. Т. Горяновым, или «Разговор богатых и бедных» Алексея Макремволита. Плодотворно, на мой взгляд, привлечение нумизматического материала для характеристики политики Алексея Апокавка (стр. 157), но наблюдение над эмиссией монет Анны Савойской (само по себе, кстати, не совсем бесспорное) принадлежит не Мачке, а итальянским нумизматам Л. Брунетти и Т. Бертеле, на которых Мачке и ссылается (стр. 187, прим. 34). Нет в книге и аргументации новой последовательности событий или новых датировок, и если, скажем, Мачке относит убийство Алексея Апокавка к 15 июня 1345 г. (стр. 166) вместо традиционного 11 июня¹, то это, видимо, результат небрежности, а не сознательного пересмотра. Повторяю, ценность и новизна книги — не в ее фактологии, а в ее концепции.

Мачке последовательно рассматривает события 1341—1354 гг. с точки зрения борьбы классов и социальных слоев. Этой идее подчинена вся структура книги, которую автор начинает с характеристики социально-экономических отношений в Византии вообще и в Константинополе в частности (стр. 37—123); затем он анализирует «социальную статистику» Константинополя — расстановку социальных сил («партий»)

⁶ PG, t. 150, col. 553, B—D, 557 D—560AB (p. 114.14.26. и p.115. 31—34. 47—48. 51—52 в издании Ангелопулоса содержат разночтения по сравнению с текстом, опубликованным Минем).

¹ См. G. Ostrogorsky. Geschichte des byzantinischen Staates. München, 1963, S. 427; «The Cambridge Medieval History», vol. IV, pt. 2. Cambridge, 1966, p. 360; «История Византии», т. III. М., 1967, стр. 145; D. M. Nicol. The Byzantine Family of Kantakuzenos. Washington, 1968, p. 59.